

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ
КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП
POLITICAL PLURALISM
AS CONSTITUTIONAL PRINCIPLE**

Дзидзоев Р. М.,

*профессор кафедры конституционного и муниципального права,
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Dzidzoyev R. M.,

*professor of department of the constitutional and municipal right,
doctor of jurisprudence, professor
Federal HPE «Kuban State University»*

Ключевые слова: политический плюрализм, монопартийная система, партийное государство, референдум.

Аннотация: В статье анализируются некоторые актуальные вопросы современной партийной демократии в России, реализации принципа плюрализма в условиях монопартийной системы, предлагаются сценарии приближения к стандартам плюралистического государства.

Keywords: political pluralism, representing only one political party system, the party and state, a referendum.

The summary: The article analyzes some topical issues of modern party democracy in Russia, the implementation of the principle of pluralism in a monopolistic system and suggests scenarios of approaching the standards of a pluralistic state.

Партийная система современной России примечательна господством одной партии – Единой России, численно доминирующей на всех уровнях представительной системы, что создает режим однопартийного правления. Наличие других партий, в том числе парламентских, ситуацию не меняет в виду отсутствия реальной межпартийной конкуренции. Превосходство Единой России поддерживается руководством страны, ее возглавляющим.

Мы ранее писали, что причины возникновения однопартийной системы в России в конечном счете коренятся в ментальности электората, не созревшего до необходимости плюралистической демократии с ее партийной конкуренцией и периодической сменой вла-

сти¹. Многолетнее существование тоталитарного режима в России не могло не сказаться на умонастроении общества, не адаптированного к либеральным ценностям.

Сложившаяся в России монопартийная система чревата перерождением власти, переходящей от представительных органов к партийным, возникновением режима партийного государства, свойственного странам авторитарным. При отсутствии партийной оппозиции и независимых профсоюзов не может состояться гражданское общество, как условие построения правового государства.

В условиях однопартийной системы не срабатывает парламентский контроль, реализующий общественный контроль в государ-

стве. В России практически не проводятся парламентские расследования, ставшие «спящим» институтом.

Парламентские отчеты федерального Правительства Государственной Думе, предусмотренные Конституцией, становятся дежурным мероприятием, не вызывающим общественного резонанса, в последние годы по таким отчетам Государственной Думой даже не принимаются постановления.

В условиях однопартийной системы формальными оказываются конституционные сдержки и противовесы, направленные на поддержание баланса государственной власти: вотум недоверия Правительству Государственной Думой, отказ Государственной Думы Правительству в доверии, отрешение главы государства от должности.

Между тем, интересы разделения властей требуют их взаимного дистанцирования, тактического противостояния, как условия самостоятельности. «Для того, чтобы парламент не превращался в декоративный институт, - пишет Л.Г. Коновалова, - требуется его функционирование в условиях политического плюрализма и наличия обратной связи населения с государством»².

В 2010 г. Президент Д.А. Медведев утверждал, что с определенного периода в нашей политической жизни стали появляться симптомы застоя, возникла угроза превращения стабильности в фактор стагнации. «А такой застой одинаково губителен и для правящей партии, и для оппозиционных сил. Если у оппозиции нет ни малейшего шанса выиграть в честной борьбе - она деградирует и становится маргинальной. Но если у правящей партии нет шансов нигде и никогда проиграть, она просто «бронзовеет», и, в конечном счете, тоже деградирует, как любой живой организм, который остается без движения»³.

Эти замечательные слова как нельзя лучше характеризуют современную ситуацию в России, в которой у правящей партии – Единой России «нет шансов нигде и никогда проиграть», а у оппозиции, соответственно, «нет ни малейшего шанса выиграть».

Гегемония одной партии в России, искусственно культивируемая, приобретает непреодолимый характер, в обозримом будущем в России не предвидится сил, способных поколебать господство правящей партии. Если лидер думской партии на президентских выборах отказывается выдвигать свою кандидатуру в пользу действующего Президента, то становится непонятным смысл существования такой партии.

Но нельзя не отметить, что подобная ситуация противоречит статье 13 Конституции России, закрепляющей принцип политического плюрализма, как основы конституционного строя.

Политический плюрализм в своей основе предполагает свободную конкуренцию политических сил и политических партий, направленную на завоевание публичной власти. Как справедливо утверждает В.А. Лебедев, выполнение политическими партиями многообразных функций возможно только в условиях реальной многопартийной системы⁴.

Реальный политический плюрализм характеризуется периодической сменой правящих партий и их политических лидеров, как это происходит в странах западной демократии. Бессменное пребывание у власти одних и тех же лиц свидетельствует о наличии в государстве авторитарных тенденций. Как отмечает С.В. Васильева, «реализация идеологического многообразия и политического плюрализма возможно только в условиях политической конкуренции»⁵.

Отсутствие реального плюрализма в стране не может оправдываться интересами государственной безопасности. Качества мощной сверхдержавы могут быть успешно реализованы в рамках многопартийного государства, о чем свидетельствуют европейский и американский опыт. Любая партия, пришедшая к власти, даже ультралиберальная, неизбежно будет придерживаться державного курса. Без поддержки силовых структур такая партия не сможет удержаться у власти. Никакая новая правящая партия не сможет кардинально изменить внешнюю политику государства, концентрирующую национальные интересы. Приход же к власти в России каких-то революционных сил, требующих «поражения собственной стране», практически исключен.

Другое очевидное противоречие Конституции заключается в девиации формы государственного правления, приобретшей характер президентской республики с поглощением президентом исполнительной власти.

Между тем, действующая Конституция России формирует модель **полупрезидентского** правления, предполагающего наличие самостоятельной исполнительной власти, смягчающей единоличный режим. Это подтверждается конституционным требованием о том, что Председатель Правительства РФ назначается Президентом РФ с согласия Государственной Думы. Парламентское участие в формировании правительства, пусть относительное (при трехкратном отклонении Госду-

мой президентских кандидатов на премьерский пост Президент назначает Председателя Правительства и распускает палату), является важной гарантией самостоятельности главы правительства, позволяющей при необходимости пользоваться думской поддержкой, побуждает главу государства при назначении главы правительства учитывать парламентскую позицию, пренебрежение которой чревато политическим кризисом, что проявилось в событиях августа-сентября 1998 г., когда Государственная Дума дважды отклонила кандидатуру В.С. Черномырдина на должность главы Правительства, побудив Президента Б.Н. Ельцина предложить палате приемлемую для нее кандидатуру Е.М. Примакова.

Давая согласие на назначение Председателя Правительства, Государственная Дума тем самым берет на себя ответственность за судьбу Правительства, усиливающую его позиции. В этой связи примечательно заявление Государственной Думы от 12 мая 1999 г. «О правительственном кризисе в России», в котором констатировалось, что Президент Б.Н. Ельцин, отправив третий раз в течение года в отставку Правительство Российской Федерации, породил новый виток экономического, политического и социального кризиса. Необоснованная отставка Правительства, говорилось в заявлении, влечет за собой обострение политической ситуации в стране и дестабилизирует отношения между ветвями власти⁶.

Конституция наделяет главу Правительства ответственными полномочиями (предлагать Президенту кандидатуры в состав Правительства, ставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству и др.), формирующими статус второго лица государства, правомочного в экстренных случаях замещать Президента.

Статус полномочного и ответственного главы правительства, как руководителя высшего органа исполнительной власти, стал концептуальной составляющей действующей Конституции России. На заседании группы представителей федеральных органов государственной власти по доработке проекта Конституции РФ Конституционного Собрания 14 июня 1993 г. В.Е. Гулиев заметил, что «премьер должен стать по новой Конституции самостоятельной политической фигурой, возглавлять исполнительную власть»⁷. Президент РФ в силу новой Конституции утратил звание главы исполнительной власти, которая, таким образом, вверялась федеральному Правительству.

Сегодня трудно говорить о какой-либо политической самостоятельности Правительства России, ставшего частью президентской системы, что позволяет именовать Президента РФ главой исполнительной власти, а форму правления – президентской республикой.

Однопартийная система в России, как говорится, всерьез и надолго, она настолько укоренилась в российском обществе, что приобрела необратимый характер. Многочисленные коррективы избирательного законодательства, направленные на создание режима партийной конкуренции, не приносят ощутимого эффекта в силу противодействия региональных и муниципальных руководителей, использующих административный ресурс.

Победа оппозиции на губернаторских выборах в отдельных регионах России в сентябре 2018 г. принципиально не меняет общей картины: умеренное присутствие оппозиции во власти вполне укладывается в «прокрустово ложе» однопартийной системы.

Монопартийный режим в России может изменить разве что преобразование формы государственного правления, переход от президентской республики к парламентарной, основанной на парламентском способе формирования правительства, коалиционного по партийному составу. Само по себе изменение формы правления, как свидетельствует зарубежный опыт, меняет политический режим в стране. Так, переход Армении от президентского правления к парламентарному привел к демократической трансформации государства, напротив, переход Турции от парламентарной республики к президентской утвердил в стране авторитарный режим, превратив ее в суперпрезидентскую республику.

Практическое осуществление проекта перехода России к парламентарному правлению, разумеется, потребует изменения основного закона, а значит, согласия правящей партии, обладающей в российском парламенте конституционным большинством, на которое рассчитывать трудно. Но можно задействовать институт референдума, предусмотренный Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации», который содержит гипотетическую возможность всенародного голосования по вопросу формы государственного правления.

Конечно, проведение общероссийского референдума потребует расположения главы государства и Конституционного Суда РФ, но это будет уже следующий этап сценария перехода России к парламентарному правлению, открывающий новые правовые возможности

¹ Дзидзоев Р.М. Партийная система и вопросы избирательной демократии в России // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 36.

² Коновалова Л.Г. Многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства как признаки парламентаризма: вопросы конституционно-правовой теории // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 29.

³ [Электронный ресурс]
<https://russian.rt.com/inotv/2010-11-24/Medvedev-zayavil-ob-opasnosti-degradacii>.

⁴ Лебедев В.А. Государственная власть и политические партии в современной России: конституционно-правовые проблемы их взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 26-30.

туционно-правовые проблемы их взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 27.

⁵ Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М., 2010. С. 27. 235 с.

⁶ СЗ РФ. 1999. № 20. Ст. 2422.

⁷ Конституционное Собрание. Стенограмма. Материалы. Документы. М., Т. 8. 1995. С. 89.

Список цитируемой литературы:

1. Заявление Государственной Думы от 12 мая 1999 г. «О правительственном кризисе в России» // СЗ РФ. 1999. № 20. Ст. 2422.

2. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ. 2015. 640 с.

3. Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции / С.В. Васильева. М., 2010. 235 с.

4. Дзидзоев Р.М. Партийная система и вопросы избирательной демократии в России / Р.М. Дзидзоев // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. с. 36-39.

5. Коновалова Л.Г. Многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства как признаки парламентаризма: вопросы конституционно-правовой теории / Л.Г. Коновалова // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. с. 28-31.

6. Конституционное Собрание. Стенограмма. Материалы. Документы. М., Т. 8. 1995.

7. Лебедев В.А. Государственная власть и политические партии в современной России: конституционно-правовые проблемы их взаимодействия / В.А. Лебедев // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. с. 26-30.

The list of the quoted literature:

1. Statement of the State Duma of May 12, 1999. "About a cabinet crisis in Russia"//SZ Russian Federation. 1999. No. 20. Article 2422.

2. Avakyan S.A. Constitutional lexicon: state and legal terminological dictionary / S.A. Avakyan. M.: Yustitsinform. 2015. 640 pages.

3. Vasilyeva S.V. Constitutional legal status of political opposition / S.V. Vasilyeva. M, 2010. 235 pages.

4. Dzidzoyev R.M. A party system and questions of selective democracy in Russia / R.M. Dzidzoyev//the Constitutional and municipal right. 2018. No. 3. page 36-39.

5. Konovalova L.G. Multi-party system and ensuring contact of the population with the mechanism of the state as signs of parliamentarism: questions of the constitutional and legal theory/L. G. Konovalova//Constitutional and municipal right. 2018. No. 1. page 28-31.

6. Constitutional Meeting. Shorthand report. Materials. Documents. M, T. 8. 1995.

7. Lebedev V. A. The government and political parties in modern Russia: constitutional and legal problems of their interaction/VA. Lebedev//Constitutional and municipal right. 2017. No. 11. page 26-30.